

ВЛАДИМИР ТУРБУЧ

**ВСЯ
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
РАТЬ**

Владимир Гурвич

Вся президентская рать

«ИП Стрельбицкий»

Гурвич В.

Вся президентская рать / В. Гурвич — «ИП Стрельбицкий»,

Кандидат Перегудов, не гнушаясь ничем, рвался в губернаторы богатейшего южного края - выступал на митингах, направо и налево раздавая пустые обещания и кидал безответственные призывы. И даже шеф его выборного штаба Станислав Скугорев считал, что он перегибает палку. Но когда в штабе кандидата стало известно об угрозе чеченских боевиков устроить на предстоящем митинге крупный теракт, все схватились за голову. Надо срочно остановить бандитов, ведь митинг завтра. И Скугарев решил собрать вооруженную бригаду, чтобы разгромить заброшенную ферму, где засели боевики...

© Гурвич В.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Гурвич

Вся президентская рать

Глава 1

Поезд мчался все дальше и дальше, увозя нас от того места, где нам так крупно повезло. Все вокруг было просто замечательно: красивые пейзажи за окном, мягкий вагон с услужливыми проводниками, радостные, улыбающиеся лица моих сотрудников. А кульминацией всему – номер нашего счета в банке, на который к этому моменту уже должна была поступить кругленькая сумма.

Честно говоря, я еще не до конца верил в этот успех. Вернее, везение тут было ни при чем, одержать победу нам помог точный анализ ситуации и принимаемые на его основе верные решения. И все же я был почему-то убежден, что госпожа удача тоже приложила к этому делу свою легкую изящную руку. Иначе как объяснить, что все с самого начала пошло, как по маслу. Как объяснить, что именно нашему малоизвестному центру политической технологии «Честная политика» в беспощадном соревновании с другими гораздо более именитыми аналогичными организациями достался этот очень выгодный заказ, что нам удалось с первых минут работы выйти на ту идею, которая и оказалась самой продуктивной. И даже не до конца верится, что это я еду сейчас в этом поезде такой счастливый и такой богатый.

А ведь прошло меньше года, как я покинул стены конторы, где, хотя и давно чувствовал себя не комфортно, зато со всех сторон был защищенным от холодных ветров окружающей жизни, и пустился в самостоятельное плавание. Все мои друзья и знакомые в один голос, как хорошо спевшийся хор, предрекали мне крах, уверяли, что из моей затеи ровным счетом ничего не выйдет, что этот рынок давно схвачен и поделен, как крестьянская запашка, и новичкам, особенно с таким прошлым, как у меня, делать там нечего, как в бане, в которой отключили воду. Было бы не правдой, если бы сейчас я сказал, что подобные заклинания не производили на меня ровным счетом никакого впечатления. Но я давно взял за правило, прислушиваясь к чужому мнению, думать все же своей головой. И принимать окончательные решения, исходя из собственных представлений. Именно за это позицию меня ценили в конторе, и продвигался, хотя и не так быстро, как хотелось бы, по служебной лестнице. И не то, что мне маячили какие-то головокружительные перспективы, для этого я был чересчур самостоятелен, если не сказать более, не независим, но пространство для повышения по службе все же имелось. Но я пренебрег всеми этими шансами и возможностями и решил, что хватит батрачить на других, что я вошел, как поезд в туннель, в такой возраст, когда хочется поработать на себя, почувствовать хозяином собственной жизни. Более всего, мне надоело бесконечное понукание, полная зависимость от воли других людей. А иногда эти люди вызывали во мне такое презрение или отвращение, что я с другом сдерживал, словно норовистых коней, рвущиеся через край эмоции. Весь этот набор кратко перечисленных обстоятельств сильно отравлял в последние годы мое существование. И однажды я все же решился покончить с таким положением. И, как оказалось, не прогадал.

– Шеф, вы опять о чем-то задумались. И, как мне кажется, о чем-то великом, – пробился сквозь густой лес моих мыслей голос Сабова. – Между прочим, я заметил, что вы всю дорогу о чем-то размышляете. Изобретаете план новой кампании?

Я улыбнулся и посмотрел на своего заместителя или официально вице-президента нашего Центра. Дмитрий Сабов был без преувеличения красавец-мужчина; если бы он играл в кино, успех ему был бы обеспечен, даже если бы все его роли были бы без слов. Они ему и не нужны, достаточно только показаться в кадре, чтобы все зрительницы оказались бы им

покорены. И зачем он выбрал такую ненадежную профессию, как политические технологии, где ничего невозможно предсказать на длительный период, и если сегодня ты даже на коне, то завтра можешь лежать выбитым из седла в канаве.

— К сожалению, план новой кампании пока изобретать бессмысленно, для этого сначала нужно иметь заказ на проведение этой самой кампании, — ответил я. — А пока наш портфель совершенно пуст. И это меня, как руководителя, не может не беспокоить.

— А я думаю, что беспокоиться нечего, — уверенно произнес Сабов. — Во многих регионах продолжается предвыборная страда, и после нашего успеха мы без дела не окажемся. И газеты и телевидение постарались рассказать всей стране, как мы утерли другим нос и какие мы замечательные. — Он довольно засмеялся.

В его словах был свой резон, говоря честно, я и сам на то же самое надеялся. Но одно дело питать надежды, а другое — пребывать в реальной действительности. Мне ли не знать, имея такой опыт работы в конторе, как это часто не совпадает.

Купе было набито моими сотрудниками. Я внимательно смотрел в их лица и видел, что их объединяет общее выражение радости от сегодняшнего дня и надежды на счастливое будущее. Они верят, что я поведу их от победы к победе. Ко мне пришла странная мысль, что достигнутый успех привел к одному странному и неожиданному для меня последствию, я стал его заложником. Если в следующий раз нас постигнет неудача, то она будет всеми восприниматься гораздо болезненней, чем в случае, если мы бы сейчас нам бы не сопутствовал успех. А к хорошему привыкаешь почти мгновенно и ждешь, что оно будет повторяться и повторяться.

— А мне кажется, что нам не стоит обольщаться, — подал голос Леонид Окулов, мой второй вице-президент и по совместительству мой старый и самый близкий друг. Мы с ним многие годы проработали бок о бок в аналитическом управлении ФСБ. Нас сблизило то, что мы оба испытывали по отношению к своей работе сходные чувства. И когда однажды я поделился с ним своими замыслами, он не только одобрил их, но и согласился поучаствовать в их воплощении. В нашем Центре он был самый пожилой, хотя ему исполнилось всего сорок три года. Однако молодые сотрудники наградили его прозвищем «Старейшина». И хотя он всегда внешне выражал недовольство, когда к нему так обращались, но я знал, что внутренне такое обращение ему льстило. Я его ценил не только за личную мне преданность, но и за тонкий аналитический ум, умение находить взаимосвязь там, где другие ее напрочь не видели, а также за кристальную честность.

— Дело не в обольщении, — возразил Сабов, — а реальной оценке ситуации. Сейчас вся наша политическая элита ищет политтехнологов, способных привести их к успеху на выборах. И то чудо, что мы сотворили в этом регионе, все взяли на карандаш. Вот увидите, как только мы вернемся в Москву, к нам сразу же выстроится очередь заказчиков. Останется лишь выбрать наиболее выгодного. Вы так не думаете, шеф?

Я неопределенно пожал плечами, хотя в целом был согласен с Сабовым. По всем параметрам выходило, что долго скучать без заказа нам не придется. Но я не хотел публично выражать поддержку этой позиции, а вдруг наши расчеты окажутся неверными. Лучше проявить осторожность в высказываниях. Мне следует поддерживать авторитет руководителя и не совершать непростительных оплошностей. А чем меньше я буду высказывать ошибочных суждений, тем будет прочней моя репутация мудрого и дальновидного начальника.

— Я думаю, что нам не стоит полагаться на то, что весь мир у нас уже в кармане. Если нам улыбнулась удача, то это сигнал для других, что следует приложить больше усилий, чтобы отеснить нас на обочину. На самом деле, любой успех только осложняет нашу жизнь. Никто не любит сильных конкурентов. А потому от наших товарищей по цеху можно ожидать любых неприятностей и каверз. Так что нам придется хорошо постараться, чтобы не оказаться не у дел.

Я сознательно настраивал своих сотрудников на деловой лад. Я боялся не только за них, но и за себя, что мы все расслабимся как раз в тот момент, когда следует быть предельно собранным.

– А почему, шеф, вы решили вернуться на поезде? – вдруг спросил Сабов. – Из-за этого мы теряем целых три дня.

Я посмотрел на него и улыбнулся. Нельзя сказать, что я уж очень тщеславный, но мне доставляет удовольствие, когда меня называют шефом. А во всем Центре только Сабов обращался ко мне таким образом. Все остальные в зависимости от возраста и служебного положения предпочитали называть меня либо по имени, либо по имени отчеству.

– На поезде гораздо дешевле, – ответил я.

– С каких пор вы стали таким экономным, шеф?

– С тех пор, как стало, что экономить. Между прочим, это весьма приятное ощущение.

На самом деле, мой ответ был не совсем честным, я решил прокатиться на поезде, чтобы немного отдохнуть. Эти два месяца, проведенные почти безвылазно в чужом крае, были невероятно напряженными. А последние две недели мы спали всего по несколько часов в сутки. И после таких почти нечеловеческих усилий я решил взять небольшой тайм-аут. Путешествие по железной дороге через полстраны в комфортабельном вагоне не такой уж и плохой отдых. Тем более, кормили в ресторане хорошо, а время в промежутках между трапезами мы проводили весело, играя в карты, шахматы, рассказывая веселые истории и анекдоты, часто весьма непристойные. Да и мне, как руководителю, такое тесное общение с коллективом было весьма полезным, за это недолгое время поездки я узнал о своих сотрудниках больше, чем за весь предыдущий период. Так, мне было известно про своего заместителя Сабова, что он умница, эрудит, с отличием закончил университет. Именно эти качества и побудили меня взять его на работу, несмотря на отсутствие практического опыта. Я только рассудил, что главное – это обладать соответствующим потенциалом, а все остальное, как мясо на костях при хорошем питании, нарастет само собой. А вот теперь выяснилось, что он к тому же еще и компанейский парень, умеющий сделать любое застолье веселым времяпрепровождением. Я нисколько не сомневался, что все наши женщины влюблены в него и соревнуются между собой за обладание его вниманием. Но, кажется, пока он так никому и не достался, хотя почти все, работающие у меня представительницы слабого пола были приятными и умными. Но к некоторому моему удивлению, до сих пор эта крепость оставалась неприступной. Конечно, он мог иметь женщину, и не одну, на стороне, но ни один намек в его словах не указывал на это обстоятельство. Пожалуй, то было единственная вещь, которая вызывала у меня некоторое недоумение. А, следовательно, и настороженность.

Почему я уделял этому вопросу, который ко мне не имел никакого отношения, такое значение, я и сам точно не знал. Просто за время работы в аналитическом управлении ФСБ я привык особенно пристальное внимание обращать на любые факты, которые выпадают из привычного контекста жизни. Иногда они не имели никакого значения и объяснялись весьма просто и естественно, но иногда становились ключами к важным выводам.

Невольно я посмотрел на Ольгу Байдину, нашу первую красавицу. Я знал, что она влюблена в Дмитрия, но никаких телодвижений в ее направлении с его стороны до сих пор не наблюдались.

– А как вы собираетесь, шеф, потратить ваш гонорар? – вдруг спросил меня Сабов.

Я посмотрел на него, удивленный этим вопросом. Обычно на такие темы в нашем Центре было не принято разговаривать.

Я пожал плечами.

– Честно говоря, даже не было времени подумать об этом. Думаю, разойдутся деньги по мелочам. Тем более, и сумма не такая уж и великая, загородный дворец на нее не построишь.

На самом деле, я знал, куда уйдет основная часть средств. В этом году сыну надо поступать в институт, и моя бывшая жена уже намекала, что финансировать этот проект должен я. Хотя у ее нынешнего супруга денег хватит на то, чтобы дать высшее образование старшему сыну, но за своего оболтуса платить придется мне. Это было абсолютно справедливо, и не вызывало у меня никаких протестов. Протест вызывало у меня другое: а именно то, как воспитывался Игорь. На мой взгляд, все делалось для того, чтобы испортить парня, отбить у него желание что-либо делать, к чему-то стремиться. Я видел, как портился он, как становился все более безынициативным и безалаберным, но ничего не мог изменить, редкие с ним встречи не приносили большой радости ни мне, ни ему. Он жил уже в другом мире, где исключительно все ценности измерялось размером банковского счета. И мои робкие, и прямо скажу неумелые попытки доказать ему, что мир не сводится только деньгам, вызывали у него лишь насмешки.

– А как потратите деньги вы, Дима? – в свою очередь поинтересовался я.

– Я хочу купить «Ферари» – скоростную модель, почти гоночную машину. Только пока этих денег, что мы заработали, мало. Вот еще один такой заказчик – и можно идти в магазин.

Об его пристрастии к дорогим автомобилям я до этого момента тоже ничего не знал. Нет, не зря я все же затеял путешествие на поезде, узнаешь много полезного.

– Мне кажется, что мы должны сейчас проявлять осторожность, – вдруг подал голос Окулов. По своему характеру он был молчуном и все, что говорил, звучало веско, основательно, и главное, продуманно. Я еще ни разу не замечал, чтобы он просто болтал ни о чем.

– Почему? – спросил я.

– К нам могут поступать очень сомнительные предложения. Вы видите, какая обстановка в стране, в политику лезет много всякой мрази и швали. И многие из этой публики имеют большие деньги или богатых покровителей. И эти люди захотят обратить свой финансовый капитал в политический.

– А мне кажется, это не наше дело, – возразил Сабов. – Мы – политехнологи, а не политики, мы занимаемся чисто технической работой. Нас просят обеспечить результат и платят за это деньги. И наша задача отлично выполнить свою работу. В этом как раз и заключается наш профессионализм. Если же мы будем разбираться с каждым клиентом, то просто прогорим. Где вы видели, Леонид Петрович, в нашей политике людей с чистыми руками и с незапятнанной совестью. Да таких просто не существует, как мамонтов. Разве только иногда можно обнаружить их скелет. – Он засмеялся.

– А если к нам обратятся фашисты или бандиты? Мы тоже будем их продвигать в Государственную Думу или в губернаторы?

– Ни фашисты, ни бандиты к нам не придут, у нас не та репутация. Да и работать с ними бесполезно, у них все равно не будет шансов. Ну а все остальные – милости просим.

Я с интересом слушал полемику между двумя моими вице-президентами. Я и сам периодически задавал себе подобные вопросы, как далеко должна простираться наша моральная веротерпимость? И, если говорить до конца честно, ответа на него не нашел.

– Если мы будем такими всеядными, то можем однажды попасть в крайне неприятное положение, – настаивал Окулов. – Нравственная чистота, на самом деле, всегда выгодна и с экономической точки зрения. Деньги, нажитые несправедливым путем, приносят несчастья. Я это вам говорю, Дмитрий Игорьевич, как человек, который много занимался подобными вопросами по своей прежней службе. Мы изучали проблему влияния того, какими способами бизнесмены зарабатывают деньги на перспективы его бизнеса. И выявили очень четкую закономерность: те, кто это делали не честным путем, быстро обогащались, но затем часто теряли и свои компании, и свои деньги, превращались в изгоев. А те, кто зарабатывали капиталы честно, развивались медленней, но зато их фирмы оказывались в большинстве

случаев очень устойчивыми. Поэтому речь идет не только о морали, но и о том, как долго мы просуществуем на рынке.

Я увидел, что все дружно посмотрели на меня. Я понял, что мне предстоит выступить арбитром в этом споре. А это не так-то легко сделать, уж больно острую тему подняли мои подчиненные.

– Да, мы проводили такое исследование, – подтвердил я. – Правда, его результаты были не такими однозначными. Эта зависимость более сложная. Но в целом она верная. Там был целый пласт бизнесменов и компаний, которые на первоначальном этапе вели себя непорядочно, занимались даже криминальными операциями. Но, накопив определенный капитал, стали вести вполне цивилизованный бизнес. И одно как бы гасило другое. Многое определялось тем, когда была сделана остановка, и начался путь по-другому маршруту. Не было это сделано слишком поздно. Некоторые компании даже хотели измениться, но уже так завязли, что не смогли поменяться. А у некоторых это получилось.

– Вот видите, – обрадовался Сабов, – я говорю, что не надо ничего сразу никого отвергать. Мы должны проявлять гибкость.

– И осмотрительность, – добавил я.

– А я полагаю, что лучше проявлять принципиальность, – сказал Окулов. – В конечном итоге, это принесет нам больше спелых плодов.

И снова все посмотрела на меня, ожидая заключительного вердикта.

– Мы будем действовать по обстоятельствам, – сказал я сам недовольный своими словами.

Глава 2

Мы жили втроем в тесной двухкомнатной квартирке. После развода жена отказалась от претензий на нее, так как теперь переехала в просторный дом, где один холл больше всей моей жилплощади. И потому она благородно оставила ее мне.

Но ведь еще древние греки поняли, что надо бояться приносящих даров данайцев. Оставив мне квартиру, бывшая жена посчитала, что имеет право по своему усмотрению вторгаться в мою жизнь. Что она и делала не очень часто, зато достаточно регулярно.

В каком-то смысле, я ее понимал. Когда мы жили вместе, дабы пополнить наш скромный семейный бюджет, ей приходилось работать в одной богом проклятой конторе, где за целый день каторжного труда платили мизерную зарплату. И мне всегда казалось, что она ушла не столько от меня, сколько сбежала с этой беспросветной каторге.

Теперь же она не работала, ее свободное время было лишь ограничено природными факторами, такими как наступлением ночи. И чтобы хоть чем-то занять себя, она периодически вторгалась в мою жизнь. А для оправдания своих действий использовала фактор сына, которого в промежутках между нашими встречами настраивала против меня.

Я проверил память определителя номера и обнаружил, что все последние дни бывшая жена ежедневно звонила мне как минимум дважды в день. Понятно, что она хотела узнать, когда же я приеду.

Встречаться с ней мне, мягко говоря, не слишком хотелось. В свое время нас соединила вместе, как нам тогда казалось, большая любовь. Но почти за пятнадцать лет совместной жизни она сумела уменьшиться до таких микроскопических размеров, что к концу была, словно карлик, почти уже неразличима. И убило это великое чувство, как это чаще всего и случается, житейские неурядицы. Моя скромная зарплата и еще более скромное ее жалованье позволяли нам вести незавидное существование. Ее подруги, вышедшие замуж более удачно, ездили на роскошные курорты, одевались в престижных бутиках, катались на шикарных иномарках. А мы-то «Жигули» сумели приобрести только к концу нашего семейного альянса. Причем, чтобы осуществить эту голубую мечту, пришлось несколько лет проводить отпуска исключительно на даче.

Поэтому когда ей подвернулся богатей, она раздумывала недолго, поставила жирный черный крест на нашей совместной жизни и отправилась жить во дворец.

Удар оказался сильнее, чем я предполагал. Пока мы жили вместе, я даже не пытался понять, какие чувства к ней испытываю. Я знал, что великая любовь умерла, а что пришла на замену, не очень представлял. Но когда она покинула нашу квартиру, то боль неожиданно оказалась сильнее, чем я мог себе предположить. Понадобилось довольно много времени, чтобы анестезия сработала, и она бы окончательно утихла.

Если быть честным до конца, то я испытывал некоторое смущение, когда попадал в их дом. Богатство, которое бросалось в глаза на каждом шагу, уж больно зримо контрастировала с моим скромным достатком. Но сегодня впервые чувствовал себя, что наши положения, если и не уравнились, то разницу между ними стала не такой безграничной, как океан. По крайней мере, теперь у меня тоже появились какие-то финансовые возможности. Да и по общественной лестнице я так же поднялся немного вверх. А потому едва ли не впервые за долгое время мне даже захотелось встретиться с оторвавшейся от меня второй половиной.

Я позвонил бывшей супруге.

— Наконец-то ты объявился, — без предисловий набросилась на меня Вероника. — Нам надо срочно обсудить, что делать с Игорем. А ты где-то путешествуешь.

— Я работал. Приехал всего полчаса назад. И уже звоню тебе. Ты должна ценить такое отношение к своей персоне.

Я решил, что в данной ситуации некоторая доля иронии – лучший способ воспрепятствовать выбросам наружу взаимного раздражения. А оно возникало часто во время наших контактов.

– Приезжай, я тебя жду, – сухо сказала она и положила трубку.

Вероника жила в небольшом элитном поселке, защищенным от атак недружественного мира высокими крепостными стенами. Чтобы проникнуть внутрь этой крепости, нужно было пройти спецконтроль. Всякий раз, попадая сюда, я испытывал нечто вроде комплекса неполноценности. Почему этих людей так берегут и защищают? Только потому, что у них много денег. Но сами-то они зачастую представляют из себя обычные серые посредственности, не имеющими никакой ценности. А о том, каким образом они заработали свои несметные богатства, мне было многое известно по своей прежней работе. Да и новая моя профессия так же поставляла мне на этот счет массу любопытной информации. Вот бы когда-нибудь ее обнародовать, сколько бы больших скандалов бы, словно летом гроз, разразилось.

Мне никогда не нравился этот дом. На мой взгляд, в его архитектуре превалировала сумбурность стилей и вычурность форм, чем тонкость вкуса. Это сооружение создавалось не для того, чтобы радовать глаз совершенством форм, а для того, чтобы проинформировать всех, кто его видит, как у его владельцев много денег.

Вероника ждала меня на веранде. Она сидела за столом и пила чай. Я сам обнаружил ее там, она же не дала себе труда выйти гостю на встречу.

Я решил, что буду вести себя в ее стиле. Не здороваясь, я сел за стол, налил себе в чашку чай и стал хлебать. Мне хотелось пить, и это было весьма кстати.

Несколько минут продолжалась это молчаливое чаепитие. Вероника изумленно поглядывала на меня. По-видимому, она считала, что ее богатства позволяют ей вести себя так, как заблагорассудится, я же, как человек бедный, должен скрупулезно соблюдать правила этикета.

Я же продолжал отпивать из чашки. Я решил, что не заговорю первым. Затем самому упускать из рук инициативу. Мое молчание – это мой важный козырь. А козыри надо приберегать до нужного момента.

Пока мы молча чаевничали, я рассматривал ее. Конечно, теперь у нее появились деньги, а с ними и время и возможности, и она могла целиком отдаться исключительно заботе о своей особе. И все же мне не нравилось, как Вероника выглядела. Когда она жила со мной и была вынуждена, чтобы выжить, крутиться как белка в колесе, то смотрелась лучше. Тогда в ней ощущалась энергия и решимость, сейчас – только расслабленность и лень. И кто сказал, что безделье – лучший образ жизни, на самом деле, он противоречит божественному замыслу, согласно которому, как сказано в одной книге, человек обязан в поте лица зарабатывать себе на хлеб насущный. А если необходимость в этом отпадает, он неизбежно опускается и деградирует. И это подлинная проблема богатых.

Я подумал, что если выскажу ей все эти мысли, то в ответ на меня обрушится целый град упреков, оскорблений и обвинений в зависти. Поэтому я предпочел оставить их в своей голове.

– И долго ты собираешься молчать? – вдруг раздраженно проговорила Вероника.

– Как мужчина, я хотел предоставить право начать разговор тебе.

– Ах, вот какие мы теперь стали, с издевкой проговорила Вероника. Она прищурилась, рассматривая меня. – С каких это пор? Впрочем, можешь не отвечать, сама знаю. Ты же добился успеха. Об этом трубят все газеты.

– Я вижу, ты не слишком этому рада.

По выражению ее лица, я понял, что не далек от истины. Пока я находился, говоря прямо, в дерьме, то все ее действия и, прежде всего, уход от меня, имели свое оправдание. Но теперь ее позиция становилась уязвимой. Не может же она утверждать, что бросила меня

из-за великой любви. Вернее, любовь была, только не к человеку, а к его деньгам. Хотя, не исключено, что в наше время это почти одно и то же. По крайней мере, различие становится все тоньше и тоньше.

– Но почему же, я рада, – кисло возразила она. – Все-таки мы не чужие. И Игорю ты теперь можешь помочь не только отеческим советом. – Теперь ее голос, как зуб змеи ядом, наполнился сарказмом.

– А где, кстати, он?

– Ушел к друзьям. Появится только поздно вечером. Он же не знал, что ты сегодня приедешь. Нам надо с тобой подумать об его будущем. Его успехи в школе не слишком блестящие. Поэтому образование он сможет получить только за деньги. Конечно, я могу обратиться к Мише, он не возражает платить за нашего сына. – Последние слова она выделила своим голосом. – Но я считаю, это недопустимым, когда по сути дела чужой человек будет выкладывать деньги за мальчика при живых родителей.

– Но живые родители не возражают платить за своего сына, – возразил я.

– Я рада, что ты тоже так считаешь. Я подумала, почему бы не получить ему образование за рубежом. Слава богу, единственное, что он хорошо знает, это английский. У Миши есть знакомые в Америке, они помогут с поступлением в Гарвард. И мальчик очень хочет поехать туда. Ему нравятся Штаты. Но платить за его любовь придется нам. – Она наклонилась ко мне и одарила меня пристальным взглядом.

– Сколько? – спросил я.

Вероника назвала сумму. Я почувствовал себя так, словно меня ударили палкой по голове. Не так сильно, дабы потерять сознание, но достаточно чувствительно, чтобы несколько мгновений приходить в себя. Это как раз ровно столько, сколько я заработал. Если я отдам эти деньги, то снова останусь ни с чем. А я так надеялся, хотя бы немного пожить как человек.

– Хорошо, нет проблем. Заплатим за его обучение.

Я заметил, как Вероника облегченно вздохнула. Теперь она налила мне чай.

– Может быть, ты хочешь пообедать? – вспомнила она об обязанностях хозяйки.

Пообедать я был бы совсем не против, так как мой желудок давно напоминал мне о такой необходимости, но почему-то не в этом доме. Больше находиться мне здесь не хотелось, тем более Игоря я все равно не увижу.

– Я сегодня только приехал и у меня много дел. Если нет других вопросов, я поеду.

– Подожди. С тобой хотел о чем-то поговорить мой муж.

– Я не могу его ждать.

– Он обещал скоро подъехать. Сейчас мы узнаем, где он?

Вероника взяла телефон и стала звонить.

– Миша подъедет буквально через пятнадцать минут, – сообщила она.

Пятнадцать минут я готов был ждать, несмотря даже на голод. Мне хотелось узнать, о чем желал поговорить со мною Загрядский. Мне было немало известно о нем, так как в свое время была начата оперативная разработка его.

Это был типичный бизнесмен, приближенный к кормушке власти. Он владел целым рядом компаний, которые действовали в тесном взаимодействии с ней. А зачастую под ее прикрытием. Он получал государственные заказы и преференции, иногда весьма сомнительные с точки зрения чистоты закона, а взамен финансировал удобные нынешним правителям политические силы.

Нам тогда удалось выявить ряд мошеннических операций с его стороны, но затем внезапно последовал приказ прекратить против него следственные действия, и вся немалая проделанная огромная работа оказалась не нужной. Как аналитик, я тогда провел много часов, распутывая его хитрые, как шахматные ходы, финансовые комбинации.

Послышался звук мотора, и через пару минут на веранде появился сам Загрядский в сопровождение телохранителя.

Загрядский направился прямо ко мне.

– Здравствуйте, Станислав Всеволодович. Рад вас видеть.

Если память мне не изменяла в предыдущие мои посещения этого дома, подобных фраз я от него не слышал. Это наглядный пример изменения моего статуса.

Загрядский сел напротив меня. И что она в нем нашла, кроме денег? Лысая голова, неприметное лицо, в общем внешность клерка проведший всю жизнь в какой-нибудь скучной конторе.

– Вы давно возвратились в Москву? – неожиданно спросил он меня.

Выходит он знал, что я уезжал, мысленно отметил я. Раньше ему мои перемещения по планете были до лампочки.

– Сегодня.

На его лице появился интерес.

– И прямо к нам. Это замечательно. – Он о чем-то задумался. – Я предлагаю пройти в мой кабинет. Извини, дорогая, нам надо поговорить, у нас чисто мужской разговор, – обратился он к моей бывшей и к своей нынешней жене. – Прошу вас, – это было уже снова сказано мне.

Я не стал возражать.

Кабинет Загрядского отличался не только великолепием, но даже неплохим вкусом. По крайней мере, мне все там понравилось. Разумеется, все стоило бешеных денег, вернее, для меня бешенных, а для него совсем небольших.

– Садитесь, – показал он мне на мягкое кожаное кресло. – Желаете что-нибудь выпить?

– На ваше усмотрение. – Мне, в самом деле, было все равно, что пить.

– Обычно каждый месяц я пью что-то одно, а потом меняю. Сейчас у меня месяц шотландского виски. – Загрядский вопросительно посмотрел на меня.

Я кивнул головой. Он плеснул в бокалы виски и один подал мне. Затем тоже сел в кресло. От всех его движений исходила некая вальяжная надменность и самоуверенность превосходства.

– Вы только что вернулись с передней линии фронта. Каковы ваши впечатления? – спросил он.

– На войне, как на войне.

Загрядский рассмеялся.

– Вы, верно, заметили, что это война. Но все же войны бывают разными. В чем особенность этой, где вы только что побывали и участвовали в сражениях? И не только участвовали в сражениях, но и выиграли кампанию.

Я пожал плечами.

– Мы выиграли потому, что пошли не традиционным путем. Вот собственно и весь секрет.

– А что хотят люди? Какие лозунги вызывают у них наибольший отклик.

– Люди хотят перемен. Но в тоже время опасаются, что они приведут лишь к худшему. Они устали и разочаровались в прежних политиках, но не очень верят, что новые окажутся лучше. А потому по большому счету они сбиты с толку.

– Это интересный вывод, – задумчиво произнес Загрядский. – Он во многом совпадает и с другими исследованиями. Я не открою вам секрета, если скажу, что предстоящие губернаторские выборы в целом ряде регионов вызывают наверху немалые опасения. Боятся неожиданностей. А те, кто стоят у власти, их тоже не любят.

– Не все во власти нашей власти, – заметил я.

Мое замечание вызвало у Загрядского смешок.

– Но наша власть хочет, чтобы в ее власти была бы вся власть. Или, по крайней мере, ее большая часть. Так уж она устроена.

– Поэтому во всем мире ее и стараются ограничивать.

Загрядский отпил из бокала и посмотрел на меня.

– А скажите, Станислав Всеволодович, вы предпочитаете служить власти или заниматься ее ограничением?

Я нутром почувствовал, что ответ на этот вопрос может иметь важные, хотя еще и неизвестные мне последствия.

– Я ушел с государственной службы для того, чтобы работать исключительно на себя. Поэтому мне не хочется заниматься ни тем, ни другим. Я над этой схваткой. Я занимаюсь бизнесом, зарабатываю деньги. Этим и определяется моя позиция.

– Мне она нравится. Но вы же отдаёте себя отчет в том, что при вашей профессии вы зависите от тех, кто вам платит. А значит полностью оставаться нейтральным невозможно.

Я едва заметно поморщился, так как Загрядский наступил на большую мозоль и вернул мои мысли к недавней дискуссии в поезде. Конечно, он во многом прав, нейтралитет при моей работе сохранять крайне трудно. И все же я не собирался сдаваться, я слишком долго шел к своему независимому нынешнему статусу.

– Разумеется, вы правы, мы зависим от заказчика. Но эта зависимость ограничивается условиями контракта. А их, смею вас уверить, мы тщательно продумываем.

– Хорошо, я доволен нашим разговором. – Загрядский встал, показывая тем самым, что беседа закончилась. Мы обменялись рукопожатием. – Да, кстати, по поводу Игоря, Вероника хочет отправить его учиться в Гарвард. Я бы мог дать ему, например, льготную ссуду. А об условиях мы с вами бы могли договориться.

– Спасибо, я в состоянии оплатить его учебу из собственных средств.

– Вот как? – Загрядский не скрывал своего удивления. – Что ж, не буду настаивать на своих услугах. Но если понадобится помощь, я готов.

Я кивнул головой и вышел из кабинета. Я решил, что сделаю максимально возможное, дабы не прибегать к его помощи. И не только в этом вопросе.

Глава 3

Прошла уже целая неделя после нашего возвращения, а мы продолжали бездельничать. Но это отнюдь не было добровольным бездельем, а исключительно вынужденным.

Я-то полагал, что новый крупный заказ не заставит себя долго ждать. Перед губернаторскими выборами, как во время уборочной страды, каждый день на вес золота. И клиенты должны были просто штурмовать наши двери, учитывая ту известность, которую мы получили.

Но вместо штурма у наших дверей царила мертвая тишина. Ради полноты картины следует отметить, что заказы были, но такие мелкие, о которых даже и упоминать неохота. Пару раз мы консультировали какие-то не совсем ясные для нас политические силы, для нескольких изданий написали статьи. Но полученные от этих работ доходы едва ли могли покрыть наши расходы даже на канцелярские принадлежности и оплату молчавших, как партизаны на допросах, телефоны.

По своим давним каналам я пытался разузнать, что все-таки происходит, почему нас обходят клиенты, словно чумной барак. Но никто ничего внятного мне сказать не мог, они и сами удивлялись происходящему.

По старой профессиональной привычке я попытался проанализировать ситуацию. Но к однозначным выводам так и не смог прийти; слишком мала для этого была информационная база.

Больше других беспокойство проявлял Сабов. Возникшая ситуация действовала угнетающе на всех, но молодой вице-президент почти уже пребывал в панике. Я понимал его: перед тем, как прийти в нашу фирму у него было несколько весьма заманчивых и денежных предложений. Более того, мне было известно, что он почти уже сделал выбор. Но мне удалось все же уговорить его сделать выбор в пользу нас. И теперь весьма вероятно он сожалел о своем поступке.

Я даже испытывал некоторую вину перед ним. Заманивая его, я рисовал, не жалея красок весьма красочную перспективу. Другое дело, что я и сам в нее верил, как многие верят в собственный обман. Но могут ли быть наши заблуждения служить оправданием наших ошибок?

Я ждал, когда он начнет серьезный разговор. Это случилось ближе к концу недели. Он вошел в мой малюсенький кабинетик, где двоим уже становилось тесно.

– Шеф, мне кажется, происходит нечто такое, чего мы не предполагали, – произнес он. – Мы были уверены, что будем завалены заказами, и нам лишь останется только выбрать наиболее выгодный из них. А получается совсем иначе. Я бы понял, если бы такая ситуация происходила в период политического затишья. Но сейчас самые горячие деньки. А наша великолепная, доказавшая свою компетентность команда, находится вне игры. Вам не кажется, это более чем странным? – Сабов пристально посмотрел на меня.

– Очень даже кажется, – согласился я. – И это-то меня больше всего и обнадеживает. – Признаюсь, я блефовал, но все же не совсем. Так как одна мысль уже некоторое время настойчиво пробивала туннель в моем сером веществе.

– Поясните, мои слабые мозги плохо улавливают вашу гениальную мысль.

Я позволил себе улыбнуться.

– Мысль, на самом деле скорее простая, чем гениальная. Хотя может быть она потому и гениальная, что простая. Если такая замечательная команда, как наша, до сих пор не гоняет мяч по политическому полю, значит, некто обдумывает правила игры, которые он хочет предложить для нас. Я пытался кое-что узнать, но ничего конкретного мне никто не сумел сказать. Как ты полагаешь, что из этого вытекает?

Сабов легко перехватил мою мысль и отпасовал ее мне.

– Можно предположить, что это обдумывание происходит на весьма высоком уровне, откуда нет утечки информации.

– Ты мыслишь в правильном направлении. И это косвенно подтверждается одним фактом, который мне стал известен вчера. Одна не очень влиятельная и богатая партия хотела прибегнуть к нашим услугам. Так вот председателю этой партии позвонили и посоветовали к нам не соваться.

– А кто позвонил, ваш информатор, естественно, не знает.

– Если бы он назвал мне имя звонившего, все было бы предельно ясно. Но, судя по всему, этому председателю посоветовали держать язык за зубами. Если наши с тобой умозаключения верны, то скоро к нам пожалуют знатные гости. Ждать осталось немного. И вот еще что я думаю, та пауза, которая у нас сейчас образовалась, возникла не случайно. Кто-то весьма поднатревший в подобных играх специально держит ее, он хочет сделать нас более послушными, дабы мы бы не рыпались. Если мои умозаключения верны, то надо сказать, это очень ловкий ход, которому можно только поаплодировать. Не желаешь присоединить свои овации к моим?

Сабов с сомнением покачал головой, но я видел, что мои доводы произвели на него впечатление. По крайней мере, прежде чем положить заявление на мой стол, он теперь, судя по всему, готов подождать еще немного. А я почти не сомневался, что он его уже написал и даже вполне вероятно прозондировал поиск нового места. Современная молодежь слишком нетерпелива, она не желает ждать, а хочет получить все и сразу. Может быть, это и похвальное стремление, но оно нередко заставляет поступать человека слишком опрометчиво. А кто сказал, что в другой компании будет лучше.

– И сколько, по вашему мнению, нас еще будут муржить? – с сомнением, но и с некоторой надеждой спросил Сабов.

Я невольно посмотрел на календарь.

– Думаю, что немного. Каждый день – на вес золота. Я буду удивлен, если в ближайшие два-три дня ничего не произойдет. Хочешь пари?

– Почему бы и нет. Вот только на что?

Я задумался.

– В нашем деле много неожиданностей. Давай условимся так: кто проиграет, тот будет должен другому выполнить его одну просьбу. Причем, без всяких ограничений по времени.

– Но какую просьбу? – слегка удивился Сабов.

– Откуда же мне знать, когда ситуация возникнет, тогда я и попрошу. Или ты, в зависимости от того, кто проиграет наш спор.

– Согласен. А если речь пойдет об убийстве?

– Надеюсь, дело до этого не дойдет. Хотя никаких ограничений. Спорим?

– Спорим.

Мы обменялись рукопожатием.

– Теперь остается только ждать, – заключил я пари.

Глава 4

Я сам удивился, как быстро исполнилось мое предвидение. Когда на следующий день я далеко не в самом лучшем настроении пришел на работу, ко мне подошел сияющий, как начищенный самовар? Сабов.

– Шеф, кажется, вы гений, – сказал он.

– Я это всегда знал, только никому не говорил, – скромно ответил я. – Но как ты догадался?

– Перед самым вашим приходом из администрации президента звонил Владислав Суриков. Очень хотел с вами побеседовать.

Я как ни в чем ни бывало, кивнул головой. Но внутренне я ликовал, это был сигнал, что партия началась. Я слишком хорошо представлял, кто такой этот Владислав Суриков, чтобы не сомневаться, что этот звонок предвестник начала большой игры.

Широкой публикой этот еще совсем молодой человек, сравнительно недавно перешагнувший тридцатилетний рубеж был, словно разведчик, почти неизвестен, так как всячески избегал публичности: не мелькал на телеэкране, не давал интервью, не появлялся на светских раутах. Но те, кто занимались политикой и особенно политтехнологией, очень хорошо знали, что представляет этот человек. Именно он являлся главным стратегом президентской команды, выстраивая на нашем политическом поле хитроумные и многосложные конструкции и разыгрывая тонкие, сродни шахматным, комбинации. Именно ему во многом был обязан президент своим триумфом на выборах, он разрабатывал планы кампаний по продвижению в выборные органы угодных властям политиков и партий. И надо отдать должное его изобретательности и тонкому умению просчитывать сразу на много ходов вперед. Правда, далеко не всего его действия вписывались в представления о политической морали, было известно, что когда требовали обстоятельства, Суриков не брезговал использовать весьма нечистоплотные методы. Но кого особенно смущают такие мелочи в наше время. Главное – это результат, а в этой области эффективность его действий была самая высокая. По крайней мере, до сих пор я не припомню ни одного значимого провала. Более того, ему нередко удавалось выиграть битву при самых неблагоприятных исходных позициях, когда казалось бы, что добиться победы не легче, чем переплыть океан на мотоцикле.

Среди моих коллег он получил прозвище «русский Макиавелли», не только за то, что иногда применял методы, которые рекомендовал использовать в политической борьбе этот многоумный и многоопытный флорентиец, но и потому, что, не скрывая, он действительно поклонялся этому мыслителю. Говорили даже, что в его кабинете целая книжная полка занята творениями этого автора. Причем, не в качестве элемента интерьера, а он частенько открывает эти тома.

Впрочем, сейчас меня волновали совсем другие мотивы, я предчувствовал, что мы находимся на пороге большой удачи. Если Суриков занесет наш центр в пул пропрезидентских политтехнологов, то уж на ближайшие годы в заказах у нас не будет нехватки. Тем более, что предстоящие годы с точки зрения политики обещают быть достаточно жаркими.

– Почему вы ему не звоните? – спросил Сабов, который явно сгорал от нетерпения.

– В таких делах всегда надо уметь выдержать паузу, – заметил, улыбаясь, подошедший к нам Леонид Окулов. – Не надо показывать свою излишнюю заинтересованность. Пусть проникнутся к нам уважением. Им надо внушить мысль: что не только мы от них зависим, но и они от нас.

Я кивнул головой. Леонид озвучил мои мысли. Впрочем, такое случалось с нами далеко не первый раз, я давно заметил, что наши мыслительные процессы очень часто шли, словно поезда, параллельными курсами. В отличие оттого, что происходило в моей голове и голове

Сабова. Хотя это понятно, все же разница в возрасте, а, следовательно, в опыте и в темпераменте.

– Мы позвоним ровно через час. Засекай время, – сказал я Сабову.

Ровно через час в моем маленьком кабинете собралась почти вся наша команда. Все уже знали о звонке из администрации президента, а потому хотели услышать продолжение действия. Я посмотрел на часы и стал набирать номер.

Секретарша быстро соединила меня с Суриковым.

– С вами говорит Скугорев Станислав Всеволодович, президент центра политических исследований «Честная политика» Вы мне...

– Да, я знаю, – прервал меня Суриков. – У меня по расписанию встреча с вами назначена на двенадцать часов. Пропуск вам заказан. Я жду.

Связь оборвалась. Несколько обескураженный таким сверхкратким разговором я повесил трубку. Да, этот парень умет себя поставить, в этом ему не откажешь. Он настолько не сомневается в моем послушании, что даже не стал спрашивать ни моего согласия на встречу, ни удобного для меня времени.

– Ну что? – поинтересовался Окулов, заметив некоторое мое замешательство.

– Он ждет меня в двенадцать, – сообщил я.

Сабов посмотрел на часы.

– Время еще есть, но лучше прибыть заранее, – сказал он.

Я взглянул на него.

– Да, ты прав. Сейчас я поеду. Только десять минут посижу один в кабинете. Прошу не мешать.

Все быстро удалились, понимая, какие ответственные, даже судьбоносные решения я должен принять.

Я остался один. Я никак не мог заглушить в себе звучание тревожной ноты. Все вроде бы идет хорошо, нас заметили и явно хотят использовать для дела. И против этого у меня не было никаких возражений, только согласие. И все же я бы предпочел, чтобы это произошло как-то по-другому, а еще лучше если бы в этом деле не был бы замешан Суриков. Есть люди, от которых хочется держаться подальше. И он едва ли не возглавляет этот список.

Но выбора все равно нет, хочется того или нет, но придется иметь контакт именно с ним. И нет смысла дальше размышлять на эту тему. Я ушел из органов, чтобы чувствовать себя свободным. А свободу дают в нашем грешном мире только деньги. Но пока я их в достаточном количестве еще не заработал. И чтобы это однажды все же случилось, придется иметь дело не с тем, с кем желаешь, а с тем, с кем необходимо.

В кабинет заглянул Сабов.

– Шеф, пора ехать, – напомнил он.

Вот кто ни в чем не сомневается, подумал я, ему нужны деньги, положение, и у него нет сомнений, как следует поступать. – Еду, – ответил я и встал с кресла.

В просторной приемной Сурикова было тихо и торжественно. С неприступным видом, которому бы позавидовал бы и сам сфинкс, за письменным столом восседала секретарша. За все время, что я провел в этом помещении, она одарила меня лишь одним взглядом, да и то, когда я в него вошел. И больше не обращала на меня внимания. До двенадцати оставалось еще пять минут, и я чувствовал, что она так на меня и не посмотрит. А жаль, девушка была привлекательная, и разглядывать ее было одно удовольствие.

Часы пробили двенадцать. Секретарша встала и распахнула дверь.

– Владислав Александрович, вас ждет, – тоном мажордома, извещающего о появлении господина, объявила она.

Суриков сидел за столом в кресле. Подождав, когда я приближусь, он слегка привстал и протянул мне руку, тем самым как бы показывая, кто здесь хозяин.

Я внимательно рассматривал его. Красивое, но одновременно неприятное лицо, отлично сшитый костюм, холеные руки. В этом человеке с первых минут ощущалось двоедушие. Может быть, большинство людей этого бы не заметили, но моя профессия приучила меня сразу видеть то, что другие подчас не могут разглядеть долго, а то и никогда. С ним следует держать ухо востро, но ни за что не показывать свою настороженность. Любой наш с ним разговор всегда будет строиться по сценарию внутреннего поединка при соблюдении внешней доброжелательности.

– Очень рад с вами познакомиться, Станислав Всеволодович. Ведь мы с вами, кажется, еще не встречались.

– Еще не встречались, – подтвердил я.

– Зато заочно каждый знает друг о друге немало, – засмеялся Суриков.

– По-другому в нашем с вами положении быть и не может, – признал я.

– А вот любопытно было бы определить, кто из нас знает больше друг о друге?

– У меня почти нет сомнений, что победа оказалась бы на вашей стороне.

Суриков от улыбки перешел к смеху.

– Мне нравится в вас эта черта, вы умеете признавать очевидные вещи.

– Разве это большое достоинство.

– Вы даже и близко не представляете, какое большое. Половина времени в моей работе у меня отнимает необходимость доказывать людям именно это. Большинство не желают признавать самые очевидные истины. Каждый хочет видеть мир не таким, каким он устроен, а таким, каким он бы предпочитал, чтобы он был бы таким.

– Но вы-то видите все в истинном цвете.

– Если бы я этого не старался делать, поверьте, давно бы тут не работал.

– Я верю, – вполне искренне ответил я.

Он посмотрел на меня и снова улыбнулся. До чего же улыбчивый малый, подумал я. Такие самые опасные.

– Между прочим, вы совершенно правы, когда говорите, что мне известно о вас гораздо больше. По крайней мере, о вашей кампании по выбору губернатора, могу поспорить, я знаю не меньше вас. – Он продемонстрировал мне толстую папку. – Здесь все собранные моими помощниками материалы. Я их знаю почти наизусть. Мне понравилась, как вы там работали, положение было почти безнадежным, но вы вытянули его. Я пишу диссертацию на тему использования политтехнологий и собираюсь, в том числе воспользоваться вашими наработками. Вы не возражаете?

– Отнюдь, буду только рад, если вам пригодится наш скромный опыт.

– Еще как пригодится! Но надеюсь и вам тоже в своей дальнейшей работе. – Суриков положил папку в ящик стола. – Надеюсь, в скором времени мне удастся составить такую же вторую папку. – Он многозначительно посмотрел на меня.

– Был бы рад вам помочь в очень полезном этом деле.

Суриков расхохотался.

– У вас замечательное чувство юмора, Станислав Всеволодович.

– Чем богаты, тем и рады.

Суриков кивнул головой и вдруг мгновенно стал серьезным.

– Надеюсь, вы понимаете, что наш разговор носит конфиденциальный характер.

– Мне кажется, в этом кабинете других и не ведутся.

Суриков снова не выдержал и улыбнулся.

– Здесь ведутся всякие разговоры. Но сейчас я, в самом деле, хочу поговорить с вами секретно. Вы видите, какая политическая обстановка в стране. Общество абсолютно разинтегрировано, все партии дуют в свою трубу. И никого не волнует судьба страны. Как в такой ситуации государством можно эффективно управлять, если по большому счету не

на кого опереться. Президент поставил задачу в каждом субъекте Федерации сформировать лояльную центру администрацию. Иначе ничего не сделать, не провести никаких реформ. Что вы об этом думаете?

– Задача правильная, но трудная, – осторожно проговорил я.

– Была бы легкая, мы тут бы с вами не сидели и не вели этот разговор. Но кому, как ни нам профессионалам ее решать. А как вы полагаете, она выполнима?

– В принципе и не такие вопросы решались. Но поработать придется много.

– Я тоже так думаю. Но разве это может испугать?

Мы посмотрели друг на друга.

– Лично меня – нет, – сказал я.

– Я не сомневался в вашем ответе. Но меня волнует сейчас больше другое, насколько вы сможете проникнуть той идеей, которой мы тут все служим. Ведь вы любите самостоятельность, а не вам мне объяснять, что у нас тут доминирует над всем командный принцип. Мы все в одной связке, работаем на одну цель, на одного человека. Хотя на самом деле работаем на страну, хотя не все с этим согласны. Я не спрашиваю, входите ли вы в число согласных, я знаю вашу биографию, вы по натуре фрондер. Иначе бы не ушли из органов, где ваша карьера складывалась вполне удачно. Но ваше прошлое – это всего лишь прошлое, а мы работаем ради будущего. Вопрос в том, хотите ли вы войти в наш состав?

– Как человек деловой, то первый мой вопрос: на каких условиях?

– По большому счету условие одно: вы с нами или против нас.

Мне показалось, что в глазах Сурикова заискрилась издевка. Я покачал головой.

– Но разве это не зависит от обстоятельств?

– Нет, не зависит, все, наоборот, от этого обстоятельства зависят все остальные условия. – Суриков внезапно улыбнулся. – Не думайте, что я пытаюсь вас запугать, но есть вещи, с которых надо определиться с самого начала. Мне ли вам говорить, какая жестокая штука политика. Чтобы победить, всегда надо четко знать, на кого можно опираться, а на кого – нет. Это тот расклад, с которого начинается любая политическая партия.

– Я понимаю. Разумеется, мы на стороне президента. Нас тоже крайне тревожит ситуация в стране. А потому любые усилия по ее стабилизации нами поддерживаются.

– Вы весьма осторожны в своих высказываниях, Станислав Всеволодович, – в укором проговорил Суриков.

Я понял, что совершил оплошность, он ожидал от меня более горячей поддержки. Придется, ее продемонстрировать.

– Вы меня не совсем точно поняли, у меня нет никаких сомнений в правильности генерального курса. Бессмысленно надеется на что-то путное без консолидации общества. И со своей стороны наш центр готов внести в решение этой задачи свой посильный вклад.

– Вы быстро все понимаете, мне это нравится, – снисходительно похвалили меня Суриков. – Вы действительно готовы с нами идти в одном строю?

– Всегда готовы! – Я даже подумал, не отсалютовать ли по-пионерски.

Он в очередной раз засмеялся.

– В таком случае, что вы скажете о движении «Спасение Отчизны»?

Я невольно проглотил слюну. Этого я не ожидал. Я надеялся на что-нибудь более приличное. Это же экстремисты и демагоги.

Кажется, Суриков уловил мое замешательство.

– Да, вы правы, – ответил он на мой не высказанный вопрос, – публика не самая приятная. Но мы не можем упускать их из-под нашего влияния, они имеют определенную общественную поддержку. И с нашей стороны было бы большой ошибкой, если они выйдут из-под нашего контроля. Гораздо лучше их держать под присмотром. Тем более, они готовы войти в наш блок. Предстоят выборы в К-ом крае, а это движение пользуется там по всем

опросам наибольшей популярностью. Вот и помогите им стать более цивилизованными, придайте им более благопристойный вид. – Суриков засмеялся. – Это задача для суперпрофессионалов. Докажите, что вы и есть таковые. Учитывая ваши достижения, мы хотим поручить вам обработку самого трудного участка. Но и цена вопроса повышенная.

– Я должен подумать, посоветоваться с коллективом. Ведь я работаю не один.

– Посоветуйтесь, но только так, чтобы наш с вами разговор не вышел из этих стен.

– Я понимаю. Сколько у меня времени?

– Один день. И то я вам его даю из расположения к вам. Раз был познакомиться.

– Я тоже рад.

Суриков наклонил голову, давая понять, что мое время вышло и мне пора покидать этот просторный кабинет.

Глава 5

Я созвал совещание и коротко описал ситуацию. Реакция моих заместителей была точно такой, какой я ее и представлял. Сабов, не взяв даже минуту на размышления, уверенно произнес:

– О чем тут думать, надо соглашаться. Это для нас исторический шанс войти в большую политику. Второго нам уж точно не дадут, отказа эти ребята из администрации и не прощают. У них правило самое простое: либо с нами, либо против нас. А тех кто против, они уничтожают.

В словах Сабова был свой резон, если мы откажемся, то новый шанс появится у нас не скоро, если вообще появится. Я взглянул на Окулова и по выражению его лица понял, что он разделяет эти опасения. Но одновременно я заметил и другое, его, как и меня, донимали сомнения.

– Что ты скажешь? – спросил я его.

– У меня есть опасения.

– Опасения чего? – попросил я его уточнить.

– Пока только опасения, без всякой конкретики.

Я кивнул головой. Я понимал, что он имеет в виду. Когда мы работали в аналитическом отделе в ФСБ, то нередко свой анализ ситуации часто начинали именно с этого. У нас не было каких-либо фактов, но сама обстановка была такова, что должна была нести внутри себя тревожные элементы. И задача состояла именно в том, чтобы выявить, в чем они могут состоять. Нередко это требовало больших усилий и длительного периода, но в своих первоначальных предположениях мы ошибались крайне редко. За что нас, кстати, и ценило руководство. Но сейчас руководством являлся я, и, следовательно, я должен был оценить складывающееся положение. И принять решение. Желательно единственно правильное.

– Я согласен с тобой, – сказал я, – есть моменты, которые вызывают тревогу. Но являются ли они причинами для отказа?

– Я понимаю, вам не нравится эти «спасители», – вмешался Сабов. – Но они никому не нравятся. Но было бы глупо из-за этого отвергать предложение. Если не мы, с ними будет работать другая фирма. И в целом ничего не изменится. За исключение нас, мы потеряем выгодный заказ, а с ним может быть и все остальное, что еще можно потерять.

– Ты считаешь нас глупцами? – поинтересовался я.

Сабов осекся.

– Вовсе нет, но глупости могут натворить и умные люди.

– Вот это верно, – согласился я. – И еще какие. Вот только я не знаю пока, что в данном случае есть большая глупость: согласиться или отказаться?

– А, по-моему, все предельно ясно, – проговорил Сабов. – Черт с этими «спасателями». Мы должны выполнить эту работу ради нашего будущего. Если мы добьемся успеха, у нас будет возможность выбора. Не так, как сейчас, когда надо брать, что дают. И тогда уже не будем связываться со всяким сбродом.

Этому парню не откажешь в логике, отметил я. Но логика это еще не все. Есть то, что находится за ней, выше ее. А это как раз и важнее.

– Если мы приме этот заказ, то должны вести себя очень осторожно, – заметил Окулов. – Не поддерживать никакие их авантюры.

– Именно в этом и должна быть наша роль, – горячо проговорил Сабов. – Неужели не понятно, чего хотят от нас?

– И чего же? – спросил я.

– Чтобы мы помогли бы им пройти к власти в этом благословенном крае вполне цивилизованно, без помощи эксцессов, приучить этих ребят к более цивилизованным способам работы.

– Не уверен, что дело обстоит именно так, – заметил я. – Они решили отдать там власть им, а все остальное – это не более чем камуфляж.

– Я так не думаю, – возразил Сабов. – Наш президент сильно заботится об имидже.

Честно говоря, такой уверенности я не испытывал. Имидж, конечно, это замечательно, но власть лучше.

– Надо подумать, – сказал я, – у нас есть время до завтрашнего утра. Завтра соберемся и окончательно все решим.

Я увидел, что такой мой вердикт оставил недовольным Сабова, он явно желал, чтобы мы приняли бы решение незамедлительно. Но Леонид кивнул головой, он был согласен с моим решением.

Больше дел в офисе у меня не было, и я уехал. Когда меня одолевали сомнения, у меня возникало желание побыть в одиночестве. Не то, чтобы это помогало их побороть, но ускоряло принятие решение, так как не действовали отвлекающие факторы. Кроме того, надо было решить одно важное личное дело.

Я заехал в банк, снял со своего счета всю наличность и поехал во дворец к бывшей супруге, разумеется, предварительно созвонившись с ней.

Вероника встретила меня у порога и проводила в дом. Она приготовила чай. Но прежде чем предаться чаепитию, я достал деньги и положил их на столик. Эта была более чем солидная пачка, и она заняла большую часть его поверхности. Бывшая супруга с каким-то недоверием смотрела на купюры. Я понимал, она весьма сомневалась, что у меня действительно есть такие средства.

– Спасибо, – после довольно длительной паузы сказала она. – Теперь Игорь получит образования за счет родителей и значит, никому в дальнейшем не будет ничем обязан. Это очень важно, это облегчит его будущее. У тебя еще что-то осталось?

– Какое это имеет для тебя значение.

– Значит, не осталось, – констатировала она.

– Не беспокойся, я еще заработаю.

– Да я и не беспокоюсь. С некоторых пор твое материальное состояние меня не интересует.

– Вот и отлично. Какой смысл тогда вести такой разговор.

– А всегда интересно заглянуть в карман другого человека. Разве у тебя не возникает и таких желаний?

– Возникают. И что из этого. Я же не заглядываю. Даже в карман твоего мужа.

– А там есть что посмотреть, – засмеялась Вероника. – Ты даже не представляешь, какое это счастье быть богатой. Я могу все. Понимаешь все. И за обучение Игоря заплатить. Но это другой вопрос.

– Ну и ладно, можешь и, слава богу. Зачем мне об этом ты говоришь. Чтобы меня уколоть?

– В том числе. Столько лет потеряла, живя с тобой.

– Если это все, что ты хочешь мне сказать, то мне лишь остается поблагодарить тебя за интересную беседу и откланяться.

Мне показалось, что Вероника о чем-то задумалась. Такое случалось с ней не слишком часто. Особенно в нынешней ситуации, когда она могла получить все, что хотела.

– Постой. Хочу сказать тебе одну вещь. Вернее, даже не вещь, а так, сама не знаю что. Из слов мужа я поняла, что разрабатывается какая-то комбинация. И ты в ней участвуешь.

– Я ни в чем не участвую.

– Ну, будешь участвовать, какая разница. Они в этом не сомневаются.

– Кто это они?

– Но это же понятно, те, кто стоят за мужем.

Я решил, что нет смысла спрашивать, кто стоит за ее мужем.

– Спасибо, я учту твои слова. Если это все, что ты хотела мне сказать, то я, пожалуй, пойду.

То ли мне показалось, то ли в самом деле что-то изменилось в лице Веронике, но больше ничего говорить она не стала и молча проводила до выхода. И только на пороге вдруг поцеловала в щеку. Вернее, слегка коснулась ее густо намазанной помадой губами.

– Спасибо тебе, твои деньги помогут сохранить нам с Игорем немного независимости. А она никогда не помешает. Так, на всякий случай.

Эти слова меня несколько удивили, насколько я помнил, Вероника всегда стремилась к зависимости, но к такой, чтобы она была бы необременительна. Я подумал, что эта ее независимость стоила мне чертовски дорого. Хотя ей до этого нет никакого дела. Все-таки люди очень эгоистические создания.

Я вернулся домой. Налил себе бокал своего любимого напитка: мартини с апельсиновым соком и стал размышлять. К полученному заказу у меня не лежало сердце, я не хотел иметь ничего общего с этим блоком, с этими людьми. Но и Сабов прав, упустим его, на нашем центре можно будет поставить жирный черный крест. Суриков не такой человек, чтобы прощать такие вещи, он сделает все, что от него зависит, чтобы мы оказались бы вне игры. А зависит от него совсем немало, у этого человека большое закулисное влияние, тесные связи с мощными финансовыми и политическими группировками. Не случайно же он получил право приходить к президенту без специального вызова, только по телефонному звонку. Это мне было известно доподлинно.

И все же сомнений, как грозовые тучи, никак не развеивались. Меня не покидало ощущение, что я нахожусь на границе между двумя большими зонами. И в зависимости от того, куда я вступлю, то со мной и будет.

Раздался звонок в дверь. На пороге стоял Окулов. Я обрадовался, этот именно тот человек, который мне сейчас необходим больше всего. Он это почувствовал и пришел. Какой же он молодец. На такое способен только настоящий друг.

– Проходи. Я рад тебя видеть. Ты пришел своевременно.

– Я почти в этом не сомневался.

Мы прошли в комнату.

– Что-нибудь выпьешь? – предложил я.

Окулов кивнул головой. Если я любил мартини с апельсиновым соком, то его любимым напитком был клюквенный ликер. Я даже специально держал в баре бутылку для него.

Мы выпили, не чокаясь и без тоста. К чему он, если мы и так понимали друг друга без слов.

– Ты пришел к какому-нибудь заключению? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Как говорят в таких случаях, и колетса и режетса.

– Тебя смущает политическая направленность этого блока?

– Даже не столько сама направленность, сколько эти ребята, что его сколотили. И особенно их замечательный лидер. От некоторых его речей пахнет таким экстремизмом, что в пору бить во все колокола тревоги. А нам предлагают сделать этого типа губернатором большого края.

– Помнишь, мы обсуждали с тобой эту тему, когда создавали наш центр.

– Да, помню. Мы с тобой тогда решили, что будем действовать как сугубо профессионалы. А все остальное нас не должно волновать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.